

Пока все граждане решают свои земные проблемы и в основном ищут хлеба и зрелищ, в самом центре Москвы, под крышей Театра им. Моссовета, застраивают рай, и грешники ищут дорогу в него. Кто падший ангел? Кто безгрешен? И несет ли любовь смерть, если она любовь? На эти и другие вопросы пытается ответить команда Олега Меньшикова, которая ставит "Демона" Михаила Лермонтова. Драма до сих пор не имела сценической жизни, а одноименную оперу Антона Рубинштейна не относят к числу шедевров. И тем не менее Олег Меньшиков с режиссером Кириллом Серебренниковым взяли за опасную вещь. Читайте 4-ю стр.

ПРИШЕСТВИЕ

Олег Меньшиков
с Кириллом
Серебренниковым
готовят сенсационную
премьеру

ДЕМОНА

Сцена под крышей Театра им. Моссовета

15.00. Здесь пока тихо. Крикнула, вышла только помреж **Ольга Крайнидова**. Сказала, что репетиция начнется через полчаса. В небольшом пространстве, сжатом двумя рядами стульев, лишь три здоровых камня, подвешенных на канатах. И это все? Ничего себе декорация к кавказской истории.

Появились люди. Первым — певец с волянкой Михаил, в углу, возле барабанов, — ударник, тоже Миша. А под камнями уже сидят и растягиваются три парня в трико. Один совсем лысый, другой — коротко стриженный, а третий — не то чтобы лохматый, но рядом с собратьями весьма волосат.

— Здравствуйте, здравствуйте, — говорит **Олег Меньшиков** и проходит в закуток за шторкой. Он, как всегда, элегантен — в полосатом свитере и кожаной куртке. Вошел режиссер — **Кирилл Серебренников** — в бейсболке, на которой нашит дорожный знак “Уступи дорогу”. “Ничего себе претензия” — так можно сказать про кого угодно, но только не про Кирилла. На сегодняшний день он режиссер №1 из молодых, и многие уже посторонились.

Там же

15.30. Где было тихо — теперь такая какофония! Двое бритых с шестами мучают лохматого, и тот высоким голосом пищит: “Несчастье, бессмертие...” Ударник Миша бьет в барабан, к нему присоединяется звук щипкового инструмента, что-то свистит, металлически скрипит. Камнями стучат об пол. И вся эта демоническая какофония образовалась за полчаса.

Из одного конца сцены в другой три человека тащат пианино. К ним присоединяется хореограф **Альберт Альберт**. Это очень удобное для запоминания имя и фамилия, а сам он щуплый, с тонкими, выразительными чертами лица. Вдруг споткнулся, упал. Все ахнули — погиб пластический талант под инструментом. Но не тут-то было: гуттаперчевый Альберт вывернулся, перекувырнулся через голову, встал как ни в чем не бывало.

А Меньшиков лежит на полу и говорит:

— Печальный Винни — Пух изгнанья.

Режиссер в ответ:
— Печальный Пух — изгнанья Демон.

“Ничего себе шуточки”, — думаю я.

— Все, начинаем, — командует Серебренников не командным голосом, скорее деловым.

Три пластмэна под барабанный бой считают по-английски, особым манером надвигаются на камни, зажимают в шестах щуплого товарища. А справа уже “зарядился” Демон, он же — Олег Меньшиков. Весь в черном: черный мешковатый свитер, черные брюки и черные кеды с белой проклейкой. Ну вылитый Демон. Кто он такой, этот Демон? Тот же мужчина, только с крыльями? Или бесполое существо высшего порядка?

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блестал он, чистый херувим...

— Это он сам про себя читает — голос красивый у изгнанника рая. Каждое слово, каждая буква наполнены низким звуком.

— Нет, ну нет. Совсем не тот звук.

— Олег, может, вы знаете, почему желанная любовь Демона несет Тамаре, тоже открытой для любви, смерть?

— Я сам полгода ишу ответ. Словами не объяснишь. Просься банальности — вот я вам скажу: “Демон наказан, наказан на века. И прощения ему нет”. Понять это на уровне слов невозможно.

— Значит, любовь несет смерть?

— По Лермонтову, получается так.

— А по-вашему?

— Нет. Во всяком случае, тогда это не любовь. А Демон — это возвышенный рыцарь, такой, как из последней главы “Мастера и Маргариты”.

— Быть Демоном — странно, страшно или?..

— Не был. Вообще — странно, все очень странно. Я не могу сказать, что мне страшно, что волнуюсь больше, чем обычно. Есть страх не перед ролью, а перед системой, которую мы придумали. Но, с другой стороны, — “какая-то тяга к произнесению этих, на мой взгляд, просто величайших стихов. Иногда говоришь, и волосы шевелиться начинают. Но тут вся задача, чтобы не у меня они шевелились...”

Там же

16.10. Да, Меньшиков удивил так удивил — взялся за “Демона”. Почему? С какой стати? Лермонтовский шедевр, который особенно сегодня кажется невозможным на сцене, где вся современная драматургия адресована зрителю на простые, если не сказать жалкие, фразы типа: “Бля, урою, ноу-хау и политехнологии...” А тут — такая литература!

...И блеск, и жизнь, и шум листов,

Словечный говор голосов,

Дыханье тысячи растений!

И полдня сладострастный зной,

И ароматною росой

Всегда увлажненные ночи,

И звезды яркие, как очи,

Как взор грузинки молодой!

Пир духа! Хоть пей! Хоть ешь эти слова и рифмы — все будет как в дорогом, роскошном ресторане. Но как это ставить? И про всегда увлажненные ночи, и про звезды яркие, как очи...

Понимает это только Кирилл Серебренников — ударник отечественной сцены. Во всяком случае, он выпускает за сезон сразу несколько спектаклей в разных театрах, и один другого шумнее. В данном случае шума на репетиции “Демона” хватает.

— Нет, ну нет. Совсем не тот звук.

Это композитор **Александр Бакши** недоволен тем, как свистит фужер. Ему приносят другой, и тот пальцем водит по стеклянному краю. Вообще здесь извлекают звук из всего — колесной лиры, ксилофона, барабана, аквариума, который ударник Жуков перепиливает смычком. Он показывает мне африканский инструмент со страшным названием “биримбау” и объясняет, что бау — это лук. Насчитал всего шестнадцать инструментов. Еще говорит, что сейчас придет Тиграныч с кеманчой. Кажется, что все звуки земли обслуживают “Демона”.

На следующий день. Там же

13.00. А между тем... Это совсем не случайная фраза для “Демона”: у Лермонтова напряжение даже не в словах, а в том, что за словами, между ними и, кажется, между звуками — предощущение чего-то необратимого, что вот-вот, и вдруг... События в поэме, которую Лермонтов начал писать, между прочим, в тинейджерском возрасте — 14 лет, развиваются стремительно: Демон изгнан из рая, красавица Тамара за свадебным столом ждет жениха, жених с караваном подарков в предвкушении сладостных поцелуев стремится, но гибнет по дороге, Тамару отдают в монастырь, куда является Демон... О-о-о-о-о!!!

Он был похож на вечер ясный:

Ни день, ни ночь — ни мрак, ни свет!..

Там же. Перерыв.

Начали монтаж декораций

14.00. Меньшиков возле музыкальных инструментов.

— Олег, а почему вы никогда во время перерыва вместе со всеми не спускаетесь в актерский буфет? Это заметили многие в театре.

— А я так много не ем. Не хочу просто. С едой у меня свободные взаимоотношения.

— Так кто придумал “Печальный Винни”?

— Я... Шутим, чтобы смягчить отношение к теме.

Через два дня.

Там же.

16.30 А вот и жених Тамары, который “...презрел <...> обычай прадедов своих...” — не помолвился в часовне на дороге и погиб. Жених — артист, который в последнее время все громче и громче о себе заявляет, — Анатолий Белый.

В профиль, когда он сидит на полу в позе “лотоса” перед Тамарой, — вылитый Владимир Путин. Тамара накрывает его белой накидкой, потому что жених — мертв. Хотя через десять минут он в буфете как миленький будет уплетать гуляш.

В ткань стиха и музыки на сцене все время вплетаются очень странные звуки — праздник, траур, смех... И многое-многое другое в этой самой кеманче, на которой играет Тиграныч, он же — Гранд Тигранович Айрапетян — единственный в Москве кеманист. Сразу видно, что он единственный, потому что даже одет по-особенному, в отличие от всей демонической команды, — на нем парадный коричневый костюм, галстучек и в руках диковинный инструмент.

— Кеманче — четыреста лет, — говорит он, пока на сцене что-то обсуждают. — Нет, руками не трогайте. Это орех, четыре струны, играю давно, я все играю — классику, джаз...

И тут же предьявляет вещественные доказательства своей всемирной популярности кеманиста — цветные фото с певицей-негритянкой, другими какими-то знаменитостями.

— Перерыв — 15 минут, — объявляет Серебренников.

17.00. Все пошли в буфет, и только режиссер остался. Говорит очень тихо, как будто мы кому-то мешаем.

— Кирилл, чья идея насчет “Демона”?

— Моя. Я предложил Олегу. Он моментально завелся.

— А почему именно “Демон” — все ломают голову? Почему не, скажем, “Чайка”?

— Всегда интересно сделать необкатанные вещи. Я все время возвращаюсь к этому тексту. У меня уже был “Демон” как лабораторная работа и современная его версия для моего фильма “Ростов-папа”. На меня он производит магическое и завораживающее впечатление.

— Может, ты в прошлой жизни дружил с Лермонтовым?

— Наверняка.

— Был ли кастинг артистов, который ты устраиваешь обычно перед новым проектом?

— Кастинга не было. Олег — это не обсуждалось, Демона может играть только он. Мне понятно было, что Тамарой будет **Наташа Швец** — восходящая звезда. Мы познакомились с ней на фильме, она снималась у меня и в “Дневнике убийцы”, и в “Ростове-папе”. Недавно влезла в спектакль “Откровенные полярные снимки”.

Остальные — три музыканта и три танцора. Ребята потрясающие, так, как они владеют телом, не владеет никто. Работают в разных труппах мира. Потрясающие!

— Слушай, а чего мы так тихо разговариваем?

— Не знаю. Может, Демон пролетел.

— Твой Демон — кто он?

— Это существо высшего порядка, падший ангел, который может испытывать огромные чувства и воплощать их. От его слезы прорезается камень. Я не делаю особую трактовку поэмы. Просто пытаемся рассказать саму историю — с высокими страстями, чувствами, глубиной звука, которые живут в душах. Демон у автора — печальный человек и абсолютно одинокий, который пытается с этим одиночеством расстаться. Ничего не получается — гордыня велика. Вся современная цивилизация построена на гордыне, тщеславии и прочем-прочем. Мы как бы делаем вид, что это не грех. А это чудовищный грех, очень страшный.

В театральном эквиваленте Демон — это актер, огромный, мощный.

— И фамилия его Меньшиков?

— И фамилия его, да, — Меньшиков.

Буфет

17.15. Люди из “Демона” едят небогатый ассортимент местного буфета. Убиенный жених уплетает гуляш за одним столиком с пластической группой. “Пластмэны” — называют они себя.

— Вообще-то они хор, — говорит Белый.

— А ты кто?

— Я — актер, князь и призрак — ангел. Очень нравится быть призраком.

— А в профиль ты — вылитый наш президент.

— Между прочим, я его и играл в фильме Аллы Суриковой.

Пластмэны — два Константина и Сергей — из разных пластических трупп. У них в спектакле работы хватает: они пластикой несут эмоцию, комментируют события, практически не уходят со сцены. Утверждают, что отдали дань мистике “Демона”.

— Во время репетиций все крестики куда-то исчезли. А Сережа большой палец на руке вывихнул...

Сцена

17.15. А вот и монастырь — те же камни на канатах. Тот же каменный грохот. Олег Меньшиков качнул один камень, и тот пошел, как мячик Фуку.

— Но долго, долго он не смел Святыню мирного приюта Нарушить. И была минута, Когда казался он готов

Оставить умысел жестокий, — читает Олег перед Тамарой.

Наташа Швец — черная юбка в пол, небрежно стянутые рыжие волосы — внемлет сладостным речам.

— Клянуся небом я и адом, Земной святыней и тобой.

Клянусь твоим последним взглядом, Твоею первою слезой,

Незлюбных уст твоих дыханьем, Волною шелковых кудрей;

Клянусь блаженством и страданьем, Клянусь любовью моею!..

Ну какая же женщина устоит?! Ростан прав: женщина любит ушами. Тамара дала, как известно, слабину, и... Конеч известен. Приводить не хочется по причине его печальности. Хотя обстановка на сцене совсем не печальная, особенно в сцене похорон Тамары. Веселенькая такая сценка, Тиграныч оформляет ее блатной музычкой на своей кеманче.

17.33. Декорации только начинают ставить, костюмы померили один раз.

Игорь Чапурин, работавший с Меньшиковым на “Горе от ума”, придумал несколько платьев для Тамары, причем одно — святыще. А Демон? Демон, как ему и положено, будет в черном и без крыльев.

До премьеры осталось дней десять. На площадке истерики не наблюдается, хотя предпремьерное напряжение чувствуется. Когда сдается, наверняка каждый в душе помянет Лермонтова, который на одной из своих рукописей “Демона” написал: “Я кончил — и в груди невольное сомненье!”